

«Каменное масло! Каменное масло! Омолаживающий эффект!» — то и дело слышалось в те шестидесятые годы прошлого столетия. Кто-то хотел действительно омолодиться, а кто-то на этом природном бальзаме хотел прилично заработать, так как граммы его оценивались на рынке среди знатоков довольно высоко. Меня, признаюсь, как и моих приятелей-холостяков, волновало второе — хотелось хорошо одеться, дополнительные деньги не помешают, — а омолаживаться нам было ещё рановато. Но где и как добыть такой бальзам?

Неожиданно выяснилось, что в Восточных Саянах, в двух днях пути от Байкала, между двумя высотными хребтами, есть местечко, где из скальных расщелин выжимается и вытекает это самое каменное масло.

Как раз за этим минералом, говорят, Пётр I когда-то снаряжал в Сибирь специальные экспедиции. Где-то здесь пролегал маршрут знаменитого академика Петербургской академии наук Палласа, а позднее в этих отрогах блуждал не менее знаменитый Кропоткин, анархист, отбывший сибирскую каторгу и нашедший в себе силы заняться топографией. В посёлке Майжа Кропоткин взял у бурятов лошадь, способную передвигаться по скальным кручам. Переход невероятно сложный. Немногие из туристов отваживаются туда пройти, а которые проходят, то возвращаются угрюмые, смущённые, отвечают на вопросы неохотно, чего-то явно не договаривают.

У нас, собравшихся пройти к тем скалам, не было лошадей, в посёлке Майжа нам их никто не дал, предстояло шлёпать на своих двоих и тащить на своём загривке недельный запас провианта. Мы — это Валера Шулаев, Серёга Тиховец и я. Все мы — строители Красноярской ГЭС, чем весьма гордились.

Население посёлка совсем не проявляло интереса к разговору с нами, заблудшими туристами. Нам же было крайне необходимо уточнить маршрут. Встретив нужного человека, который, как нам говорили, отлично знает все местные горы, мы в нетерпении спрашивали, развернув карту:

— Вот когда до левого притока речки Эхеге мы дойдём, скажи, в каком месте лучше перебрести через воду? Вот в этом или в этом?

— Чего? — прикидывался незнайкой человек.

— В этом или вот в этом месте перебрести? — повторял вопрос дотошный Серёга, тыча пальцем в карту.

— Чего? — опять крутил головой человек.

Другие же, узнав, в какую сторону мы направляемся, совсем уж выражали на лице явный испуг:

— Там дүхи... Шибко много их, дүхов...

Убедившись, что в этом бурятском посёлке нам никаких дополнительных сведений не получить, мы отправились дальше в путь с тем запасом знаний, какой у нас был. О месторождении каменного масла нам было известно от одного старого геодезиста в Красноярске, он-то и набросал для нас на тетрадной страничке карту.

Мы были из тех, кто не признаёт никаких дүхов. Валерка и Серёга так и заявляли: «Нам дүхи нипочём, мы сами любых дүхов напугаем». Я так, конечно, не заявлял, потому что сомнение было в моей душе, тем не менее одобрял товарищей. Да, да, верно, что нам какие-то допотопные дүхи?

То лето выдалось сухим, путешествие наше дальнейшее обещало быть без особых осложнений. Однако сложности обнаружились другого плана. Едва мы отошли от бурятского посёлка, углубившись на несколько километров в горы, как нас догнал скачущий по тропе всадник в милицейской форме и строго потребовал показать ему документы. В ту пору был такой порядок: проверять паспорта и прочие справки. Неплохой, скажу, порядок. Паспорта у нас были с собой, а вот

справок, удостоверяющих, что мы не тунеядцы, а строители самой крупной в мире ГЭС, у нас не было. Товарищ милиционер, не слезая с лошади, стал размышлять, что же с нами делать: заворачивать ли назад и вести в районную милицию для выяснения или отпустить? Ни того, ни другого он делать не стал, а, узнавши о наших намерениях добыть тут себе того самого вещества, за которым русский царь посылал экспедиции, решился сопровождать нас до места, предложив переместить тяжёлые рюкзаки с наших спин на спину лошади.

Поступок милиционера, конечно, далеко не логичный, но нас это очень устраивало. Узкие бурятские глаза товарища милиционера были наполнены весёлым блеском.

— Айда, — сказал он почти по-приятельски и сам двинулся впереди.

Мы, облегчённые, последовали за лошадиным крупом.

Чем дальше в горы, тем слабее обозначалась под ногами тропа, а местами она и вовсе терялась; это была тропа, набитая среди камней скорее не людьми, а копытными зверями. Но наш новый компаньон держался уверенно: должно быть, путь этот был ему хорошо знаком. Он, сидя на лошади, сверху оглядывался и не слезал с лошади даже на кручах. Слева, где-то внизу, за полосой хвойного леса, шумела река Эхеге, она билась о гигантские валуны, наполняла окрестности не только шумом, но и брызгами, которые, рассеиваясь каплями в воздухе над ущельем, образовывали лёгкую сетку тумана. Попадавшие на пути ручьи, обозначенные на карте как речки-притоки, оказывались совсем не похожими на речки — так они пересохли ввиду сухого лета. Это обстоятельство могло бы ввести нас в заблуждение, если бы не было с нами надёжного проводника. Получалось, с одной стороны — плохо, что мы оказались поднадзорными у милиции, с другой же стороны — замечательно, что не придётся блудить. Товарищ милиционер молчал и всё так же весело посверкивал узкими глазами на широком буром лице.

Мы не предполагали, какие испытания впереди.

Нет, нет, не встреча с крупной рысью, затаённо лежащей в ожидании добычи на скальной полке-терраске, под которой мы проходили. Не зверюга помощнее, поопаснее, именуемый снежным барсом, сохранившийся в Саянах,

мелькнувший на узкой гривке, где ходят козероги. И даже не камнепад, случившийся на речном бросе. Не это всё должно было явиться нам испытанием, способным смутить.

Обычные пташки станут нам препятствием непреодолимым.

Да, да, обычные птички, точнее, стрижи.

Они начали появляться в небе, когда мы были ещё далеко от перевала, обозначившегося на горизонте, где маячил геодезический знак. Старый геодезист, лазивший здесь с отрядом ещё студентом в тридцатые годы, принимавший участие в установке этого знака на маршруте Кропоткина, говорил нам в Красноярске, что выходы минерала, именуемого в народе каменным маслом, он наблюдал именно здесь, с правой стороны, на чёрной графитовой скале. «Надо только пройти через перевал, и сразу будет видно ту чёрную скалу, стоящую среди светлых гранитных скал», — говорил старый геодезист, отлично помнивший в деталях ту свою давнюю экспедицию.

Перевал был пройден, слава Богу, благополучно. Без рюкзаков-то, с облегчённой спиной — что не влезть на него? Серёга, влезши, даже «ура» прокричал, торжествуя. И мы с Валеркой повторили: «Ура!» Товарищ милиционер всё так же молчал и всё так же посмеивался глазами, глядя на нас. Он наверняка начал сомневаться в том, что мы, столь легкомысленные, можем быть строителями великой ГЭС на Енисее, о которой пишут все газеты.

Вон с правой стороны та самая скала, она выделилась своей графитовой чернотой, её нельзя было не заметить. Серёга побежал туда первый, за ним Валерка, я — за Валеркой. Товарищ милиционер остался стоять и ждать на перевале.

— Ничего, мы и на твою долю наберём, — щедро пообещал ему Валерка, бригадный группкомсорг на стройке.

Вдруг изо всех щелей, будто разбуженные появлением людей, стали выпархивать острокрылые птахи, то есть стрижи; кружили они над нами, вибрировали крохотными тельцами, всё гуще наполняя собой окружные пространства.

И чем ближе мы подходили к графитовой скале, тем больше становилось этих птах; они беззастенчиво, нахально роняли с высоты на наши головы капельки своих испражнений; через минуту-другую я увидел, что Серёга не

похож на себя, и Валерка тоже не похож, с макушки до сапог они белые от птичьих экскрементов. Вот это да!

Я закрыл лицо своё ладонями, чтобы защититься, и повернул назад, оскальзываясь, так как курумник сделался скользким от обильной мерзкой влаги.

«Так это же не птички-птички, это натуральные лешие, — думал я на ходу. — Духи бурятские!»

За мной бежали Валерка и Серёга. На перевале мы отдышались, отплевались, отсморкались и разлепили глаза. Потом, чертыхаясь, понуро побрели к ближнему ручью, хлюпающему между камнями. Отстирать свою туристическую амуницию и отмыться составляло больших трудов.

Товарищ милиционер тем временем был невозмутим, никак не реагировал, молчал и по-прежнему глядел на нас с весёлой ироничной усмешкой. Вот ведь тип! Что, он знал, что на графитовой этой скале поселились духи? Поселились, дабы оберегать от шатающегося праздного алчного люда каменное масло, необходимое в природе для лечения диких животных, приходящих сюда и табунами, и поодиночке за многие сотни километров. Это я позднее задумаюсь об этом. И через многие годы я не смогу поверить, что это были обычные птички, поселившиеся тут большой колонией, а не истинные духи.

Возвращались мы на железнодорожную станцию через тот же бурятский посёлок Майжа; жители почему-то глядели на нас одновременно и усмешливо, и сочувствующе, будто уже были извещены они о горестных результатах нашего похода. На пути зашли в дацан, расположенный в лесу на окраине посёлка, представляющий из себя четыре вкопанных листовых столба и дырявую, из корья, крышу, куда следовало бы нам зайти раньше, когда шли в горы. Такой местный порядок: идёшь в горы — положи что-то на жертвенник, уважь, ублажи духов.

В Красноярске навестили знакомого старого геодезиста. Рассказали. Он не смеялся. Совсем не смеялся. У Серёги и Валерки с того случая долго держался комплекс: как видели над стройплощадкой пролетающих стрижей или ласточек, так вздрагивали и прятались. Вот такая оказия.